

ТОМ ДЖОНС ПРОТИВ АПАРТЕИДА

Гай Гранд, миллионер-сумасброд, задался единственной в жизни, целью: доказать миру, что люди способны на все ради денег. С изобретательностью Мефистофеля расставлял он перед наивными простаками и ловкими пройдохами цепь замысловатых ловушек. И ни один из подвергнутых соблазну обогащения таких испытаний не выдержал...

Происходило это на страницах сатирического романа Терри Саудерна (впоследствии его книгу экранизировали и в фильме приняли участие Ринго Старр и Джон Леннон). К счастью, жизнь не столь однозначна, какой она представлялась Гранду. И хотя примеров того, что «все продается и все покупается», более чем достаточно, тем паче — в шоу-бизнесе, певец Том Джонс стал исключением из общего правила.

А «искуситель» вынырнул как из-под земли. Но это был не безобидный сумасброд Гай — власти целой страны, устроившие немисляемый разгул апартеида под «республи-

канской» вывеской — белое меньшинство ЮАР, — пригласили Джонса выступить в своем «культурном» центре, да еще посулили несколько миллионов долларов. Эту бывшую резервацию, а с 1959 года так называемый бантустан, по сути дела слегка «отдекорированный» концлагерь, расисты с гордостью показывали и показывают аполитичным иностранцам. «Солнечным городом на свободной территории» лицемерно окрестили они Сан-Сити, хотя за все годы правления научились душить свободу так же, как и скрывать от солнца Африки свою драгоценную белую кожу.

Есть, однако, в сфере культуры, которой власти ЮАР желают «утешить» отягченную преступлениями душу, один острый шип. Это движение музыкантов всего мира «Рок против апартеида», созданное известным американским джазменом Гари Бёртоном. Охватывая с каждым днем все большее число деятелей культуры, имея в своем активе такие известные произведения, как «Группа в бе-

гах» и «Бой с переменным успехом» Пола Маккартни, или «Африканскую сюиту» Манфреда Мэнна, движение не дает расистам ни минуты покоя. Из кожи вон лезут поработители, чтобы доказать, что в ЮАР существует «демократия». И тем, кто нарушает решение Генеральной Ассамблеи ООН о бойкоте культурных связей с расистами, власти платят не тридцатью серебряными монетами, а золотом. Только вот «чистым» его не назовешь, поскольку золотосносные жилы земли ЮАР заражены губительным пороком их хозяев.

Кровь, пот и слезы угнетенного большинства сочатся по жестким скулам отчеканенных на монетах профилей диктаторов и метят несмываемым позором руки тех, кто к ним прикоснулся: Фрэнка Синатры, Хулио Иглесиаса, Лео Сейера, из года в год навещающих своих благосклонных ценителей. Они стали не только пособниками палачей, но и прямыми соучастниками геноцида. Фальшивая нота благодарности за свою долю в дележе

награбленного режет слух в их заученных душещипательных излияниях. А вот Джонс решительно отказался принимать «кровавые деньги», более того — полностью и безоговорочно поддержал движение «Рок против апартеида», заявив: «Я не переступлю границу этой страны до того времени, пока будет существовать на многострадальной африканской земле расизм».

Это мужественное решение. И его принял человек, который подвергся всем искусам шоу-бизнеса... Гибкий, незаурядной силы голос сделал его не менее известным среди любителей музыки, чем безупречная добродетель — его тезку из одноименного романа Генри Филдинга. Находкой оказался Том и для музыкальной сцены. Увлеченно-страстная, зажигательная манера исполнения вот уже два десятилетия помогает ему выдерживать конкуренцию с изменчивой модой. За выкрутасами идолов-однодневок публика, бывает, не может расслышать просто хорошей песни, но и сквозь назойливые ритмы

панк-рока и «новой волны» продолжают доноситься из отдаленных уголков памяти лучшие песни Тома: «Зеленая, зеленая трава у моего дома», «Дилайла», знаменитая «Вчера» Пола Маккартни.

Том выкладывался в песне щедро и азартно и всегда находил свою аудиторию. А выбором пути он обязан своему отцу. И Том помнит, как ждало до боли сердце, когда он увидел в газете интервью Джонса-старшего: «Том был удачлив с детства — ему повезло, что за тридцать два года работы в шахтах меня не засыпало, не придавило. Том хотел быть, как и я, шахтером, но я не разрешил. Хватит одного смертника в семье. И тогда он нашел в жизни другое дело».

Джонс исколесил со своими товарищами-музыкантами весь мир. Судя по записям его концертов, радость для него — общение с людьми, и к этим встречам исполнитель очень серьезно готовится. Несколькими годами назад, уже после того, как Том перебрался в

Соединенные Штаты, к нелегкой работе певца добавилась еще одна — съемки в кино. Он почуствовал второе дыхание, расцвет сил, взлет творческой мысли. Казалось, молодость возвращается, а тучи с горизонта сдувает ветром в прошлое.

...В приемной офиса Тома Джонса в Лас-Вегасе его поджидали двое — до наглости вежливых молодчиков: посредники в предложенной сделке с совестью. Он с трудом сдерживал желание тут же вышвырнуть их за порог конторы. И когда на столе заметил листы заранее подготовленного контракта, где надо было всего лишь поставить роспись, Том не стал взвешивать «за» и «против». В тот день он вышел победителем, отвергнув расизм и призвав товарищей по искусству следовать его примеру. Талант певца, доставшийся ему от природы, дополнился новым — обретенным в противостоянии и борьбе. Это талант человеческий, и его высшее достоинство — не смиряться с уверенным в своей неискоренимости злом. Так Джонс опроверг «ценности» Гая Гранда.

М. СЫРИЦЫН,

Св. культура, 1984, 19 мая, № 60.